

МОРСКОЙ СПЕЦНАЗ

ГДЕ МЫ, ТАМ ПОБЕДА!

Сергей ЗВЕРЕВ

ГРОЗА СЕВЕРНЫХ МОРЕЙ

Сергей Иванович Зверев
Гроза северных морей
Серия «Морской спецназ»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170878
Сергей Зверев. Битва на дне: Эквемо; Москва; 2006
ISBN 5-699-17700-0*

Аннотация

Еще раз убеждаешься в истине: мир хрупок, и зыбкое равновесие подчас зависит от воли и бесстрашия преданных стране людей... «Гроза северных морей», командир отряда боевых пловцов Сергей Павлов, прозванный Полундрой за способность приводить врагов в состояние паники, попал в скверную историю. Вместе со своим старым другом он охотился на уток. Неожиданно его друг погибает, отведав блюдо из подстреленной дичи. Полундру обвиняют в преднамеренном убийстве. Туманные слухи о птичьей grippe наводят Полундру на мысль о тщательно спланированном экологическом преступлении, в котором замешаны весьма влиятельные и почтенные особы...

Содержание

1	4
2	9
3	17
4	22
5	30
6	36
7	44
8	52
9	56
10	64
11	73
12	82
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Сергей Зверев

Гроза северных морей

1

– ...Проще говоря, наши дела катятся к черту? – Рональд Вайл, председатель совета директоров транснациональной фармацевтической корпорации, бесцеремонно перебил докладчика, который сразу съезжился, словно на него вылили ушат холодной и не очень чистой воды. Обтекаемые формулировки и блестящее жонглирование экономическими терминами не помогли бедолаге скрыть от тертого жизнью дельца того катастрофического положения, в котором оказался российский филиал. Числа-то оставались все теми же. Беспристрастные и безжалостные, они чернели на экранах мониторов и на бумаге, словно название на корме тонущего корабля, и однозначно свидетельствовали о том, что совсем не за горами маячит уход корпорации с российского рынка.

– Не слышу ответа! – Глубокие складки недовольства над хищным, как у орлана, носом Вайла стали еще заметнее. Повисла пауза. Тяжелый взгляд тусклых от времени желто-карих глаз медленно перекачивался по головам подчиненных; сухие пальцы правой руки, лежащей на столе, сжались в кулак.

– Безусловно, у нас есть некоторые проблемы, – послышался голос докладчика – топ-менеджера филиала. Фраза прозвучала так неуверенно, что самому ему ужасно не понравилась. Чтобы справиться с волнением, он громко откашлялся. – Но все они вполне решаемы...

– «Некоторые проблемы», – с издевкой повторил босс, в очередной раз не дав оратору закончить мысль. – Из вас мог бы выйти недурной политик. Чтобы утихомирить своих избирателей, они говорят примерно то же самое, когда падают «Боинги», смывает ураганом полстраны к такой-то матери или маньяк расстреливает школу. Только вот меня успокаивать ни к чему. Я, к сожалению, давно вышел из того возраста, когда хочется верить в сказки... Чем вы объясните такую низкую капитализацию, такой обвал продаж?

Топ-менеджер неопределенно повел плечами:

– Это лет пять назад разметалось все, что ни выбросишь на рынок, – теперь здесь налажен выпуск лекарств, аналогичных нашим, но в несколько раз более дешевых. Да и конкуренция резко усилилась – Китай и Индия пичкают местный рынок своими препаратами, с ними невозможно договариваться. Плюс ко всему – нелегальные производства. Подделки наносят нам громаднейший урон!

Рональд Вайл откинулся в кожаном кресле и театрально воздел руки к небу.

– Я сейчас расплачусь от жалости! – воскликнул он, закатив глаза. – А как же наши европейские подразделения

справляются? У них что, меньше трудностей? Столько же, но они работают!!!

– Мы тоже не сидим сложа руки, – замирая от собственной смелости, возразил докладчик. – Ищем новые ниши. Как вы знаете, нами разработана уникальная вакцина от так называемого «птичьего гриппа». Производство налажено, аналогов ей пока нет. Это настоящий прорыв, который принесет колоссальные прибыли! Золотое дно!

– Скорее лотерейный билет! – жестко оборвал его председатель. – В разработку вложены громадные средства, а за последние годы болезнь серьезно затронула лишь Китай, который отлично с нею справился, и еще несколько стран с низкой покупательной способностью населения. Если вакцина – это все, на что вы рассчитываете, настоятельно советую всем сотрудникам филиала подыскивать себе новую работу. Ваши аналитики ошиблись в расчетах, а вы выбрали неверную стратегию.

– Господин Вайл! – Скромно молчавший до этого долговязый мужчина с нездоровыми мешками нижних век вдруг встал со своего места. По его лицу, испещренному мелкими оспинами, блуждали багровые пятна волнения. Полные губы кривились в нервной улыбке. – Я, конечно, не пророк. Но смею заявить, что в самом ближайшем будущем на Россию обрушится жесточайшая эпидемия этого самого гриппа. «Птичьего» или «куриного» – называть можно по-разному, суть не в этом. Главное в том, что болезнь быстро примет

масштабы национального бедствия, а это означает лишь одно – у нас появятся самые выгодные контракты! И не с мелкими распространителями, а с государством! Чтобы остановить беду, правительство будет готово закупать нашу вакцину по цене, как минимум в три раза превышающей себестоимость! А деньги сейчас в казне имеются – нефtedоллары продолжают литься рекой. Так вот, поскольку у нас монополия на производство...

Рональд Вайл внимательно смотрел на говорившего. «Кажется, этого нескладного парня зовут Сканкин... Нет, Сканков, – вспомнил он. – Да. Менеджер аналитического отдела Сканков, мне его представляли. Талантлив, тщеславен. Что еще? Кажется, недоволен своей должностью, ждет повышения... Хм, надо будет заглянуть в его личное дело...» Слушая неожиданное заявление, председатель все выше и выше поднимал свои неестественно черные брови. Наконец не выдержал:

– Складывается ощущение, господин Сканков, что вы получили телеграмму из небесной канцелярии. Откуда такая уверенность в грядущей эпидемии?

Аналитик смутился, но удержал себя в руках.

– Это... это мой собственный прогноз, основанный на точных расчетах, – ответил он и закусил нижнюю губу, понимая, что такое обоснование вряд ли устроит всемогущего шефа.

– Ясно, – подытожил Вайл, искусно, одной интонацией, поставив на место выскочку, который тут же осознал всю го-

лословность своего предсказания. – Достаточно слов. У всех вас есть сутки, чтобы напрячь свои извилины и представить мне идеи выхода из кризиса. Подчеркиваю, реальные идеи! Все, совещание окончено!

Осторожно задвигались кресла, зашуршали ткани дорогих костюмов. Озадаченные сотрудники хмуро покидали зал заседаний.

– Господин Сканков! – вдруг сказал босс, провожая взглядом людей, торопливо стремящихся скрыться с глаз сурового начальника. – Вас я попрошу остаться...

2

Не без брезгливости накинув белый халат поверх шикарного твидового пиджака, Рональд Вайл опасливо покосился на броский знак «биологической опасности», ядовито желтевший на входных дверях лаборатории. Чувства его обуревали не самые радужные. С детства он терпеть не мог врачей и всего, что с ними связано, и ни за что не стал бы посвящать свою жизнь фармацевтическому производству, если бы оно не приносило фантастические прибыли. Но испытывать свою терпимость Вайл старался как можно реже, обычно доверяя инспектирование предприятий надежным людям.

К его огромному сожалению, на этот раз свалить данное мероприятие было не на кого: Вайлу во всем надо было убедиться лично – слишком уж высоки ставки. Еще раз подозрительно оглядевшись, он сунул ладони в карманы халата, твердо решив ни к чему здесь руками не прикасаться. Все-таки гулять по химическому заводу – это одно, а забираться в самое сердце вирусологической лаборатории – совершенно другое. Запросто подхватишь какую-нибудь заразу! Хотя заведующий лабораторией Лобастов и менеджер Сканков изо всех сил старались уверить своего босса в безопасности, американец пропускал их болтовню мимо ушей и оставался абсолютно убежденным, что в каждом углу этого заведения, насквозь пропахшего медикаментами и озоном, таится

страшная и невидимая угроза.

– Показывайте, что там у вас, – процедил он сквозь стиснутые зубы, дабы не раскрывать подчиненным своих переживаний. – У меня мало времени.

– Конечно, конечно, мистер Вайл, – засуетился вирусолог. Пригладив выцветшие клоки рыжих волос, обрамляющих блестящую плешь, он распахнул перед высокими гостями двери своей лаборатории. Немного замялся, решая, пропускать ли начальство вперед или же идти первым – показывать дорогу. Нервно поправил очки. Волноваться ему было от чего: финансирование всех исследований напрямую зависело от результатов сегодняшнего визита.

Выручил Сканков. Втягивая голову в плечи и сутулясь, чтобы не очень превышать в росте своего босса, он предложил:

– Господин Лобастов, проводите нас прямо в виварий. У вас ведь все готово к демонстрации?

Ученый поспешно кивнул и снова поправил сползающие очки. Развернувшись на пятках, он стремительно ринулся в глубь своей конторы, тараня воздух лысиной, словно диковинная торпеда. Оба гостя двинулись за ним.

Вайл впервые оказался в лаборатории, где работают с биологическими препаратами первого класса опасности. Хмуро сдвинув брови, он шагал по светлым коридорам, стараясь не думать о том, как они напоминают больничные. Позади шелестел одноразовыми бахилами Сканков. Чтобы скоротать

время, американец обратился к нему:

– Вы уверены в исполнимости вашего плана?

Менеджер кивнул, словно Вайл мог его видеть спиной:

– Я все рассчитал. Если не подведет наука, то все будет так, как я вам докладывал.

Мчащийся впереди заведующий лабораторией оглянулся, услышав упоминание о себе. Полы его халата распахнулись, выставив напоказ мятые брюки и потрепанную рубашку.

– Не беспокойтесь, пожалуйста. Мои ребята все сделали точно по заказу. Я сам все проверил и не один раз! Сейчас во всем убедитесь лично. Кстати, мы уже почти пришли!

– Что это за запах! – Внезапно Роналд Вайл нарушил данное себе обещание и резко выдернул руку из кармана, чтобы прикрыть нос платком. – Черт! У вас что, сантехника полетела?

– О, простите, мистер Вайл! – пробормотал Лобастов, озадаченно оглядывая клетки с повизгивающими обезьянами, стоящие вдоль стен вивария в несколько ярусов. – Совсем забыл предупредить, с непривычки может показаться, что мои «крошки» не очень хорошо пахнут...

Сканков приложил среднюю фалангу указательного пальца к ноздрям, стараясь ограничить поступление едких аммиачных паров в свои ноздри.

– Да уж, не фиалки здесь у вас растут, – заметил он. – Не думаю, что стоит здесь задерживаться.

Ученый правильно понял общее желание поскорее поки-

нуть виварий, потому не мешкая зашагал вперед, то и дело пожимая плечами. Вайл на ходу приблизился к Сканкову и прошипел сквозь носовой платок:

– Эти макаки всего в паре футов от нас! Мы ведь рискуем жизнью из-за этого недотепы! Он что, не мог выбрать другого маршрута?!

То, что Вайл так доверительно обращается к Сканкову, было несколько неожиданно, но приятно. Для него это был хороший знак – доверие босса росло. Нужно было его всячески поддерживать. Менеджеру по аналитике пришлось еще больше склониться, чтобы отвечать в самое ухо американца, который не отличался высоким ростом.

– Абсолютно безопасное место. – Поддерживая шепот собеседника, он придал своему голосу самые успокаивающие интонации. – Эти животные еще не участвовали в экспериментах, но уже прошли карантин после отлова. Я специально уточнял. Нам ничего не угрожает! Разве что убийственные ароматы...

Вроде бы подействовало. Вайл успокоился и снова разорвал дистанцию, воспользовавшись тем, что они прошли через очередной шлюз в просторную комнату, где уже находилась пара человек в светло-синих комбинезонах, очках и с масками на лицах. Они сновали около здорового прозрачного куба, стоявшего в центре. Заведующий лабораторией остановился прямо напротив этого сооружения, сияя от гордости.

– Вот и цель нашего путешествия, – пафосно начал он, но, заметив колючий взгляд начальника, вонзившийся вковырявшихся у бокса сотрудников, слегка поостыл. Потешно нахмурившись, он обратился к своим помощникам. – Ребята, погуляйте пока...

Дождавшись, пока в лаборатории останутся только посвященные, Сканков первым шагнул к герметичной переборке, отделявшей людей от сидящего внутри молодого шимпанзе.

Обвешанное датчиками животное преспокойно занималось своими делами, не обращая внимания на столпившихся за стеклом зевак. Лишь когда один из посетителей постучал в переборку костяшками пальцев, шимпанзе поднял на него флегматичный взгляд, каким взрослые обычно одаривают расшалившихся ребятишек.

– Это наш Микки, – представил своего подопытного завлаб. При этом слегка покосился на шефа – не обиделся ли тот на американское прозвище обезьяны? Видя, что тому все равно, Лобастов нехорошо усмехнулся, показав неровные зубы. – Больше всего любит макчикен из соседнего «Макдоналдса». Вчера мы приготовили ему угощение сами...

– И в чем фокус? – поинтересовался Вайл с явным неудовольствием в голосе. – На мой взгляд, самая обычная обезьяна, вполне здоровая и даже счастливая. Если вы меня этим хотели удивить, то надо было ехать в зоопарк. Там хоть воздух почище!

Сканков закусил нижнюю губу и вопросительно поглядел

на вирусолога. «Не хватало еще, чтобы демонстрация прова-
лилась! – думал он. – Вайл такого не простит. Ведь обещал
же, старый пень, что все пройдет без сучка без задоринки!»

Вместо ответа Лобастов в очередной раз поправил окуля-
ры у себя на носу и подошел к столику рядом с боксом. На
жидкокристаллический монитор, установленный там, выво-
дилась вся информация о состоянии подопытного животно-
го. Мельком взглянув на бегущие по экрану графики и чис-
ла, вирусолог снова недобро усмехнулся. Крючковатые паль-
цы забегали по клавиатуре, вызывая из электронной памяти
машины нужные данные. Получив их, Лобастов удовлетво-
ренно кивнул и потер ладони:

– Есть! Начинается!

– Хотелось бы узнать, что именно? – Американец уже по-
рядком устал от ожидания. Ему ужасно не терпелось поско-
рее вырваться из этого проклятого здания, так давившего на
его психику.

– Обратите, пожалуйста, внимание на Микки, – пояснил
ученый. Но и без этого все уже заметили, что с шимпанзе
что-то происходит.

Животное стало беспокойно вертеться на месте, печаль-
ные ранее глаза теперь слезились и горели нездоровым блес-
ком. Вскоре обезьяна, нахохлившись, забилась в угол. Тело
ее мелко подрагивало, а грудная клетка ходила ходуном от
частого дыхания.

– Что с ней? – озадаченно спросил Сканков.

– То, чего мы ждали. У Микки сейчас сильнейшая лихорадка. Температура тела уже сейчас почти сорок, а будет ползти еще выше. Посмотрите, какая тахикардия! В общем, жить ему осталось совсем недолго. Не больше суток.

Похоже, увиденное произвело впечатление. Вайл осторожно отшагнул подальше от прозрачного бокса с несчастной обезьяной.

– Вы заразили его китайским «куриным гриппом»? – спросил он.

– Не совсем, – с готовностью отозвался Лобастов. – Видите ли, работая над вакциной, нам пришлось модифицировать вирус. Нам повезло – мы натолкнулись на удачную мутацию, позволившую преодолеть резистентность организма приматов, а значит, и человека, к «птичьему гриппу». Другими словами, у этого вируса есть особый, коварный ген, который наделяет его страшными свойствами. Инкубационный период – минимальный, клиника стертая, а летальность ужасающая – почти сто процентов!

Вайл вздрогнул и посмотрел на Сканкова с нескрываемым уважением. Тот только довольно улыбнулся – мол, все, как я вам и обещал.

– ...и остановить эпидемию можно будет только поголовной вакцинацией населения. По-го-лов-ной! – закончил свое повествование ученый, сорвал очки и принялся протирать запотевшие стекла.

...Уже направляясь к автомобилям, менеджер по аналити-

ке и его босс вернулись к ранее начатому разговору.

– Я консультировался с орнитологами, – шурясь от яркого весеннего солнца, сообщил Сканков. – Многие перелетные птицы мигрируют из Китая в Восточную Европу через Россию, останавливаются на отдых в Нечерноземье, поэтому, в первую очередь, заподозрят китайцев.

– Отлично. Я все понял. Вы уже подобрали место?

– Да. Есть одно. Очень удобное.

Вайл на свежем воздухе почувствовал себя гораздо лучше, а потому и настроение у него стало необычно благодушным.

– Хорошо. В этом я полностью полагаюсь на вас, – сказал он. – Однако для нашего появления в Нечерноземье требуется уважительная причина. И сделать все надо чужими руками.

Сканков загадочно улыбнулся:

– Можете не беспокоиться. Сейчас крупные международные консорциумы часто спонсируют российскую науку – это не только престижно, но иногда и очень выгодно...

3

– Ну и здорово же у тебя здесь, Саня! – с наслаждением вздохнул Павлов, насаживая на вилку кусок ветчины. – Тепло, солнце светит, воздух чистый – благодать!

– А ты, Серега, еще и ехать не хотел! – Бородатый крепыш с курчавой русой головой по-хозяйски выудил откуда-то бутылку и с хрустом скрутил крышку, перетянутую акцизом. – Когда меня доктора, будь они неладны, на берег по ранению списали, все вокруг только и твердили: «В город! В город!» А на кой, спрашивается, мне самому себя в «бетонный гроб» заколачивать? Пусть даже двухкомнатный и со всеми удобствами? По мне, частный домик в деревеньке – в самый раз.

– Так уж и деревенька, – протянул Сергей, здоровенной ручищей придвигая к себе наполненную до краев стопку, которая в его пальцах сходилась за наперсток. – Крупный поселок, у нас на Севере и за город сошел бы.

– Что правда, то правда. И до Калуги рукой подать, – не без гордости согласился хозяин. – А Малоярославец и того ближе. А леса здесь какие! А озера! Из-за одной охоты можно все бросить и остаться.

Павлов раскатисто засмеялся:

– Так ты из-за нее, родимой, и переехал сюда, охотничек!

– Не без этого, – упрямо мотнул головой Ерков. Лицо его приняло мечтательное выражение. – Вот сходим на уток,

распробуешь, самого потом за уши не оттянешь! Представь: камыши, тишина, вдруг вж-ж-ж-ж – селезень идет. Низко так... А ты его с лету ба-бах!

Мирно дремавший у стола персиковый спаниель встрепенулся от громкого голоса и залаял.

– Фу, Цезарь! – поморщился хозяин. – Спокойно себя веди, не позорь меня перед боевым товарищем.

– Сходим, конечно, и на охоту – у меня весь отпуск впереди, сорок пять суток, – примирительно сказал Павлов, высматривая на обильно уставленном яствами столе подходящий для угощения кусочек. – Хорошая у тебя собака. Цезарь, колбаски хочешь?

– Отставить! – вдруг рыкнул бывший моряк. – Товарищ старший лейтенант, ты мне так собаку испортишь! Негоже чужому человеку, пусть даже он гроза северных морей, охотничьего пса с руки кормить! Да еще и от стола! А ты, Цезарь, если еще раз не от меня еду возьмешь – берегись! Запру в чулане, а сам уйду в поход!

Спаниель, поджав уши, отскочил от «коварного» гостя, пытавшегося выставить его в некрасивом свете перед хозяином, и преданно уставился в глаза Еркуву.

«Гроза северных морей», он же командир знаменитого на весь флот отряда боевых пловцов, за способность приводить в состояние паники своих врагов прозванный товарищами Полундрой, согласно закивал и отправил приготовленный Цезарю кусок себе в рот.

– Прости, Саня, виноват, исправлюсь! – пробасил он, разводя могучими ручищами. – Я ж не знал, что все так строго. А что до твоего «обзывательства» в мой адрес, так, помнится мне, кто-то не меньше меня страху на супостата наводил. Сколько мы с тобой вместе «работали»? Всех погружений и не упомнишь...

– То-то и оно, – грустно вздохнул Саня Ерков, в бытность свою боевым пловцом по понятным причинам именовавшийся Ершом. – Осталось теперь только вспоминать. Не ходок я теперь под воду. Поковыряли меня в том бою знатно, да еще и хирурги потом дырок добавили. В общем, радость-то одна в жизни осталась – с ружьишком по лесам да болотам бродить.

– Что-то ты, брат, прибедняешься! – прищурил глаза Павлов. – Тебя же не в инвалиды списали, а так, на берег только. Сам же отказался тыловой крысой служить!

– Да, – нахмурился хозяин. – А чтоб я там делал, склады ГСМ охранял? Нет уж, увольте! Я лучше уж свое хозяйство вести буду.

Павлов широко улыбнулся и слегка стукнул кулаком по столу, отчего тот подпрыгнул и жалобно зазвенел посудой.

– Ты эти песни про израненного калеку для женского пола побереги. А мы еще повоюем!

Ерков довольно ухмыльнулся себе в бороду:

– А я так и делаю периодически. С женским полом-то. Здорово выходит! А насчет «повоюем» – это ты точно ска-

зал. У меня уже все готово: лицензию на отстрел уже выкупил, с друзьями из охотхозяйства договорился. Правда, погода немного шалит – жара стоит необычная. Но это нам на руку. Слушай, а чего тянуть? Давай прямо завтра и двинем на Кошчеево озеро!

– Это еще что за водоем?

– Ба! Да ты не слышал про него? Это ж мое любимое место!

Павлов лишь вопросительно поднял брови – рот был занят ароматным пучком зелени.

– Такого озера нигде больше не найдешь, – воодушевился хозяин. – Сплошной лес, а посреди него вода. По берегам – ни одного населенного пункта. Дорог к нему почти никаких, потому и люди только изредка попадают. Красиво там, аж дух захватывает!

– Ну, расписал, так расписал! Как купец на ярмарке. Уже хочу поглядеть.

Снова зазвенели стопки, покатила по полу очередная порожняя бутылка.

– ...а еще старожилы говорят, что в Кошчевом озере сам Наполеон награбленное в Москве добро утопил, когда от Кутузова драпал.

– Да ну? – Павлов наконец почувствовал, как хмель начал забираться в голову.

– Точно! Ходят слухи, что полтораста пудов серебра и золота французам пришлось здесь бросить после малояросла-

вещного сражения. Только вот до сих пор не нашли еще, как ни искали...

– А ты-то сам веришь в это? Есть в твоём Кощеевом озере клад или нет?

Ерков задумчиво почесал бороду:

– Вода там больно чистая и прозрачная, такое только от серебра бывает.

– Так уж только от него? – засомневался Сергей.

Хозяин наклонился над столом, словно их кто-то мог подслушать, и горячо зашептал:

– Так не я же это выдумал! Здесь и ученые разные крутились. Между прочим, пробы воды из озера брали. Так вот, содержание золота и серебра раз в десять выше, чем в других водоемах! А это уже не сказки, это – наука! – К потолку взметнулся его указательный палец, подтверждая достоверность сказанного. – Вот выведу тебя на охоту, сам поглядишь.

Павлов задумчиво подпер подбородок кулаком.

– А из чего я стрелять-то буду? Из рогатки, что ли?

Саня аж опешил.

– Ты меня что, обидеть норовишь, старлей? Ты хоть думай, что говоришь! У меня же арсенал целый. Одних гладких стволов – пять штук. Ты моего сейфа не видел! А ну-ка пойдем, я тебе хвалиться буду...

Искры костра с треском подскакивали на несколько метров и, подрагивая, растворялись в вечернем небе. Подвешенный под стальной треногой, на огне грелся походный котелок, аппетитно попухивая паром. Над ним, с длинным половником в тонких руках, колдовала хрупкая блондинка, не без труда справлявшаяся с поварским инвентарем. Волосы ее, прихваченные в куцый хвостик на макушке, забавно мотались при каждом движении.

Еще пара студентов, одетых в джинсы и штормовки, сидели рядом и всячески помогали ей советами. Языки пламени мерцали на лицах молодых людей и отражались в близкой воде Кошцева озера, на берегу которого был разбит лагерь археологов.

Неподалеку темнели доисторические туши трейлеров с оборудованием. В быстро сгущающихся сумерках можно было еще разглядеть яркие фирменные логотипы на их боках. Водители нарочно расставили фургоны, как ковбои Дикого Запада, – полукругом. Только те от индейцев оборонялись, а эти от ветра. Парни в спецовках торопливо заканчивали выгружать из них диковинные предметы, во многих из которых опытный взгляд легко опознал бы водолазное снаряжение и оборудование для обеспечения водолазных работ. Малогабаритный компрессор для заполнения баллонов дыхательной

смесью уже успели снять и установить, а от небольшого дизельного генератора ярко светились электрические лампочки в разбитых на пригорке палатках.

– Машенька! – послышалось со стороны припаркованных напротив бивуака микроавтобусов. – Ужин-то будет сегодня? Или нам снова обходиться консервами?

Девушка у костра испуганно оглянулась на голос и нечаянно дотронулась до котелка. Вскрикнув от боли, она отпрыгнула в сторону и принялась размахивать обожженной рукой. Парни повскакивали с мест и кинулись ей на помощь.

– Осторожнее! – сделал запоздалое предупреждение тот же голос. – Машенька, ну что же вы так! Беречь себя надо!

Блондинка перестала прыгать на месте и неожиданно зычно для своей комплекции ответила:

– Вениамин Михайлович! Снова вы меня напугали! Я из-за вас палец себе обожгла!.. Готово уже все, можно есть! – закончила она сердито после небольшой паузы.

Представительный мужчина с пышными, соломенного цвета усами, стоявший в тени возле «Газели», всплеснул руками.

– Всегда так с женщинами, – обратился он к своему собеседнику, который со скучающим видом наблюдал за происходящей суতোлкой у костра. – Сами наделают беды, а обвиняют во всем мужчин! Ну, что, Марк Владленович, пойдете отужинаем с нами? Чем, как говорится, богаты...

Сканков при этих словах встрепенулся и поспешно замо-

тал головой:

– Нет, нет, спасибо. Я не голоден.

Доктор исторических наук Рубашников пригладил свои усы, которые, по-видимому, являлись предметом его тайной гордости.

– Зря, конечно, Марк Владленович. Машенька у нас знаете, какая мастерица? Буквально из топора может кашу сварить. Даже если бы совсем в науке не тянула, все равно с собой в экспедиции брал бы! Кстати, я ведь вас даже не успел поблагодарить...

– Не нужно, профессор. – Сканков натянуто улыбнулся начальнику поискового отряда.

– Помилуйте, Марк Владленович! Без вашей помощи мы не смогли бы снарядить такую масштабную экспедицию. Для полевых изысканий мы можем привлекать студентов и обходиться своими силами, но на оборудование для подводных исследований у Академии наук нет средств. А тут такое везение – встреча с вами!

Сканков пытался вяло возражать напористому историку, но остановить бывалого лектора было не так-то просто.

– Знаете, как я мечтал о подобной поездке лет десять назад, когда писал докторскую? Она ведь тоже с Отечественной восьмьсот двенадцатого года связана... Эх, с вами бы тогда встретиться! А то по крохам приходилось собирать, по местам сражений с наполеоновской армией только в фантазиях рыскал!

Московскому спонсору удалось, наконец, вернуть словечко:

– Погодите немного, Вениамин Михайлович! Вы ведь не нашли еще ничего. Поэтому я вас прошу: давайте пока обойдемся без лишней огласки. Существует же шанс, пусть и небольшой, что поиск окажется безрезультатным? Это может отрицательно сказаться и на вашей, и на нашей репутации!

– Тьфу, тьфу, чтоб не сглазить! – картинно поплевал через плечо Рубашников. – Найдем! Что-нибудь обязательно отыщется. С вашим-то оборудованием...

– Так мы договорились? Никакой прессы. И ваши ребята пусть сильно не болтают. Вы ведь лучше остальных понимаете, какие могут пойти слухи и каких людей они могут привлечь к Кошчеву озеру...

Профессор перестал улыбаться и уже совершенно серьезно ответил:

– Разумеется. Я же не новичок в этом деле. Не беспокойтесь, мы не будем шагать по окрестным деревням с транспарантами. В конце концов, вы правы: моя репутация мне действительно дорога.

– Вот и отлично, – облегченно вздохнул менеджер и слегка потянулся. В последнее время он вынужден был находиться в крайне некомфортных и непривычных для себя условиях, разительно отличавшихся от его столичного кабинета. Каждой клеточкой своего тела он ощущал наваливающуюся

усталость. В зеркало было лучше не смотреться – от недосыпания лицо, и так не отличающееся здоровым цветом, вовсе приобрело землистый оттенок. Как же он желал отдохнуть! Но расслабляться было рано. Нужно обговорить еще кое-какие детали и сделать это так, чтобы «важный усач» ничего не заподозрил. – Кстати, как вы собираетесь вести поиски? Мне просто интересно, я никогда в таких мероприятиях не участвовал.

Рубашников неторопливо достал из кармана камуфлированной куртки пачку сигарет и протянул Сканкову:

– Будете?

– Нет. Спасибо. Я не курю.

Историк одобрительно кивнул.

– И правильно. Я сколько ни пытался бросить, все никак не выходило.

Менеджер промолчал, посчитав неуместным сообщать собеседнику о том, что он считал курение признаком слабохарактерности. Лишь тактично пожал угловатыми плечами.

– Думаю, начнем сразу двумя группами, – поделился своими соображениями Рубашников. – Одна будет изучать рельеф дна, вторая – совершать пробные погружения и разведку. Так мы и простаивать зря не будем, и к моменту, когда в озере что-нибудь выветится, аквалангисты уже разомнутся, спуски отработают.

– Дно, я так понимаю, вы будете обследовать при помощи локаторов? Я видел их в ящиках при погрузке.

– Точно. Эхолотами с лодок будем прочесывать метр за метром, пока не обнаружим аномалии донного рельефа. Дальше за дело возьмутся парни в аквалангах: когда речь зашла об этой экспедиции, у нас в институте, к моему удивлению, нашлось немало весьма опытных дайверов.

Сканков понимающе покачал головой и вернул разговор в нужное ему русло:

– Это же ужасно долго – плавать туда-сюда на лодке, прощупывая грунт по сантиметру! Лодочные радары мы, наверное, выписали, не подумав как следует.

– Да что вы! – замахал руками Рубашников. – Нас это не пугает ни капельки. Оборудование ваше – просто чудо! Мы о таком и мечтать не смели! Конечно, повозиться придется. Может быть, дело растянется и на пару-тройку месяцев, но для науки мы готовы пойти и не на такие жертвы.

«Ну, наконец-то, – вздохнул про себя Сканков, – наконец-то ты на время пожаловался! Теперь держись, „усач“. Приготовься к аттракциону невиданной щедрости!» Сунув руки в карманы, он бесхитростно улыбнулся:

– Я в этом деле полный профан, как вы понимаете. Но природа наделила меня некоторой любознательностью. Перед тем как ехать сюда, я навел кое-какие справки и вот что узнал: на Западе уже давно предпочитают использовать с этой целью авиацию. Как вы считаете, здесь такая методика могла бы пригодиться?

Профессор даже немного опешил.

– Вы имеете в виду гидролокацию с воздуха?

– Ну да, – простодушно подтвердил Сканков. – И аэрофотосъемку. Вы же сами говорили, что вода здесь исключительно прозрачная.

– Для Запада, разумеется, все, о чем вы упомянули, – оптимальный вариант: и быстро, и просто, – сокрушенно вздохнул Рубашников. – Но для нас это слишком дорогое удовольствие...

Сканков остановил его, тронув за рукав:

– Ни слова больше. Деньги не имеют значения. Когда речь идет о серьезной науке – мы готовы к таким же серьезным затратам. Так что будете работать и с воздуха. Вы уж меня простите: я на свой страх и риск заранее провел переговоры об аренде аппаратуры, и сегодня ее уже должны были доставить в город.

Сказанное произвело настолько сильное впечатление на историка, что тот не сразу нашел нужные слова, а это происходило крайне редко.

– Я... даже не знаю... вы действительно предоставите нам эти приборы? – Рубашников не верил своим ушам. Все это меценатство со стороны известной фармацевтической корпорации, внезапно свалившееся ему на голову, слегка сбивало с толку и было похоже на сказку, которым профессор уже давно не верил. – Но это же ужасно дорого!

– Ну что вы за человек такой, Вениамин Михайлович! – Долговязый спонсор сделал вид, что собирается обидеться. –

Я ведь хотел как лучше, а наталкиваюсь на непонятные опасения. Хотите откровенно?

Историк поспешно кивнул, забыв о своей затухающей сигарете.

– Так вот, – заговорщицки подмигнул ему Сканков. – Считать деньги и делать экономические прогнозы – отчасти моя работа. И по опыту знаю: дорогостоящие, но быстро приносящие плоды проекты всегда обходятся дешевле. Экономя на оснащении, можно потерять гораздо больше на времени, поскольку оно стоит много дороже!

– Даже и спорить не буду! – согласился Рубашников, выбрасывая окурок и давя его ногой.

– И правильно сделаете. – Представитель фармацевтической корпорации усмехнулся и поглядел на показавшиеся над головой звезды. – Здесь неподалеку есть база сельхозавиации. Думаю, они согласятся нам помочь...

Розовые солнечные лучи живо рассеивали призрачные клубы утреннего тумана, из последних сил цепляющегося за покрытые свежей зеленью кусты и заросли прошлогоднего тростника. Бывалый охотник Ерков продвигался берегом Кошчеева озера первым, балагурия, указывая дорогу и внимательно наблюдая за рыскающим впереди Цезарем. За ними следом брел Сергей Павлов, увлеченно прислушиваясь к звукам просыпающегося леса и болтовне своего боевого товарища. Потрепанный рюкзак, палатка и двустволка за спиной несколько не обременяли боевого пловца, закаленного суровыми нагрузками и постоянными тренировками. Подошвы армейских ботинок слегка скользили по свежей и влажной от утренней сырости траве, пробивающейся из-под черных перезимовавших листьев. Поношенный камуфляж, благоразумно прихваченный с собой в поездку к другу, пришелся как нельзя кстати: шагать в нем было привычно и комфортно.

– Веришь – нет, я так и не понял: мы с тобой браконьерничать идем или как? Весна ведь, – решил уточнить Сергей.

Не оборачиваясь, Ерков рассмеялся:

– А ты что, разве всегда только по правилам действуешь? На вас же, «дьяволов морских», законы не распространяются!

– Во-первых, еще как распространяются, а во-вторых, сам-то ты кем был, пока в охотники не записался? – беззлобно огрызнулся Полундра. – И давай, товарищ капитан третьего ранга, от ответа не увиливай. Есть у нас разрешение на охоту?

– Да есть, конечно, не переживай. Я ведь с леспромхозом дружу, почти что в штате у них числюсь. Считай, что мы плановый отстрел выполняем.

– Это весной-то?

Ерков обернулся и удивленно приподнял брови:

– Так ведь весенний план! Пару дней назад пролет утиных начался: белоглазые нырки да кряквы пожаловали. А говорят, даже чернеть и синьгу уже видели, что странно – в одну пору они редко встречаются. Так пернатой братии столько в этом году прибыло, что вмешаться надо.

– Зачем? – поинтересовался гость.

– А затем, что пролетные здесь пару недель подкормятся и дальше на норд-вест двинут, а тем уткам, что здесь на лето останутся, есть после них нечего будет. Усек?

– Угу, – отозвался Павлов, разглядывая свернувшегося клубком и угрожающе фыркающего ежа.

– Одно нехорошо, – продолжал охотник. – Утка сейчас не чета осенней. К сентябрю они жирок нагуливают и вкусны необыкновенно! А сейчас тощие, как воблы.

Некоторое время шли молча. Поднялись на небольшой пригорок. Ерков остановился и указал на водную гладь, рас-

стелившуюся перед ними.

– Вот оно, смотри... Я красивее ничего не видел!

Павлов стал рядом. Было и правда что-то волнующее в этой неброской красе затерянного в лесу озера. Верхушки прибрежных берез уже купались в ярком свете нового дня, а их подножие все еще окутывал полумрак уходящей ночи. Воды вокруг было намного меньше, чем боевой пловец привык видеть за бортом корабля, но значительно больше, чем Сергей представлял себе по рассказам Еркова.

– Ничего себе! – присвистнул он. – Я-то думал, здесь лужица...

Александр с наслаждением втянул в себя влажный утренний воздух:

– Нравится? Я тебя еще не так удивлю, пойдем скорее!

В той же последовательности охотники двинулись дальше. Дорога, которой вел их Ерков, то тянулась по самому берегу, то резко петляла в глубь чащи, где Сергею из-за своего роста временами приходилось двигаться пригнувшись и отводя в стороны сучья и ветки. Тут уж не до любования окрестностями – того и гляди без глаза останешься. Продравшись сквозь очередные заросли, Павлов ступил на зеленый ковер мха и с чавканьем провалился по самую щиколотку. Болото! Его проводник словно не замечал этого, уверенно шагая с кочки на кочку даже не замочив обуви.

– Эй, Сусанин! – позвал Сергей, остановившись. – Ты куда завел нас? Что за топи кругом?

– Тише ты, – шикнул на него Ерков, округлив глаза. – Всю дичь распугаешь! Топай след в след, и все будет нормально. Здесь озеро обмелело, заболотилось, можно вброд до островка перебраться. Там мое укромное местечко.

Вздыхнув, Полундра принялся проверять на прочность поросшие осокой бугорки, придавливая их широкими подошвами. Внезапно чуткий слух засек появившийся вдалеке посторонний звук. Моряк прислушался. Негромко окликнул товарища:

– Слышь, Сань? А утки самолетов боятся?

Ерков скорчил недоуменную физиономию и повернулся в сторону приближающегося гула.

– Эт-то еще что за явление? – поинтересовался он, разглядывая вынырнувший из-за деревьев «Ан-2», который, оглушив окрестности шумом двигателя, почти на бреющем полете понесся над озером. Солнышко поблескивало на свежеевыкрашенных боках «кукурузника» и странных штуковинах, подвешенных под его брюхом. Из-под крыльев самолета тянулся едва заметный белесоватый шлейф, таявший у поверхности воды.

– Комаров, что ли, травят? – предположил Павлов, глядя вслед загадочному биплану.

– А мы как же? Нюхать это должны? – Ерков возмущенно сдвинул брови и, сняв с плеча ружье, вогнал в оба ствола по патрону.

– Не кипятись, Саня. Было бы опасно – нас наверняка пре-

дупредили бы, – рассудительно заметил Сергей. – А ты что, сбивать его за это собираешься?

– Да ну тебя, – отмахнулся тот. – Заряжай. Попробуем бить утку с подхода на вылетку, хоть этот паразит с мотором и распугал уже почти всех. Короче, так: идем рядом, те, что справа – твои, слева – мои. И постарайся не пристрелить Цезаря – он будет впереди поднимать птицу.

Изготовив оружие, охотники бесшумно двинулись вдоль островка, тщательно всматриваясь в заросли прибрежного камыша. Кругом ни души. Островок уже почти закончился, а у них еще ни разу не было повода выстрелить. Видимо, летчику все же удалось разогнать всех.

Хлопанье крыльев раздалось, как всегда, неожиданно. В полусотне метров от Полундры из тростника «выпрыгнула» одинокая утка и, с характерным свистом рассекая воздух крыльями, рванула подальше от людей. Сергей отреагировал мгновенно. Руки сами вскинули двустволку, бабахнул выстрел. Срезанная зарядом дробь птица кувыркнулась в воздухе и смачно шлепнулась в воду, скрывшись из вида за густой растительностью. В воздухе запахло жженым порохом.

– И где теперь ее искать? – озабоченно спросил стрелок, собираясь лезть в воду.

– Отставить купаться, – скомандовал Ерков, подзывая собаку. – Серега, не отбирай у Цезаря хлеб, для него ведь охота дороже всего на свете.

Едва дождавшись команды, спаниель ринулся в озеро, ло-

мясь через траву и коряги. Через пару минут, мокрый, грязный, но ужасно довольный собой, он выбрался на берег, фыркая и отряхиваясь. В зубах его болтался подстреленный Полундрой селезень. Отдав добычу хозяину, Цезарь облизал перепачканную птичьей кровью мордашку и принялся носиться вокруг, словно капелька ртути.

Ерков поднял за крыло добытую птицу.

– Килограмма полтора, – одобрительно сообщил он другу, бросая тушку на дно рюкзака. – Новичкам везет! Доставай чучела, будем расставлять. Весной они на это падки до безобразия. Сейчас засаду организуем по всем правилам и еще пару уток добудем. А то разве это еда для двоих здоровых мужиков – один селезень!

– А что – не хватает?

– Под водочку-то? Конечно, мало. Вот две птицы – в самый раз. Максимум три. Больше нам не надо.

– А в манок дашь подудеть? – в шутку попросил Сергей.

– Дуди на здоровье, только спрячься. А то тебя, добра молодца, за версту видать, даром что в камуфляже.

6

– Внимание! До эфира три минуты!

Это объявление внесло еще большую сумятицу в работу небольшой телестудии. С утроенной энергией заметались гримеры, декораторы, осветители. Режиссер, выскочив из своей каморки, принялся чуть ли не лично усаживать зазевавшихся гостей по местам. Секунды таяли с невероятной быстротой, и вот уже откуда-то из-под потолка донеслось громогласное: «Тишина в студии! Внимание! Прямой эфир!»

Симпатичная девушка в строгом костюме лучезарной улыбкой одарила камеру и с воодушевлением произнесла:

– Здравствуйте, уважаемые телезрители! В эфире «Столичного телевидения» ток-шоу «О главном» и я, его ведущая, Ольга Томизина...

Режиссер за пультом немного расслабился – начали вовремя, не пришлось прикрываться заставками. В наушниках звучал мелодичный голос, представлявший участников программы:

– ...Наш гость, помощник председателя Комиссии по предотвращению распространения опасных инфекций, заслуженный врач Российской Федерации, эпидемиолог Хлябцев Вадим Антонович.

Камера крупным планом выхватила ухоженного полного

брюнета с тщательно причесанными волосами, занимавшего кресло напротив Томизиной. Улыбнувшись одними губами, он кивнул, здороваясь с аудиторией.

– Вадим Антонович, – все так же улыбаясь, начала ведущая. – Комиссия, в которой вы в данный момент трудитесь, создана совсем недавно. Скажите, пожалуйста, каковы причины ее появления и была ли, на ваш взгляд, реальная необходимость в ее создании?

Видно было, что Хлябцев не впервые дает интервью. По крайней мере, держался он достаточно спокойно и непринужденно.

– Я думаю, что не открою никому ничего нового, сказав, что любую болезнь легче предотвратить, чем лечить, – скупо жестикулируя левой рукой, принялся отвечать он. – Оградить народ от опасных инфекций – одна из первоочередных задач правительства. Именно с этой целью была организована комиссия, создание которой на данном этапе жизненно важно. Это не только мое мнение, так считает большинство ученых и руководство страны.

– Не означает ли это, что Федеральное агентство по здравоохранению и социальному развитию не справляется со своими обязанностями? – последовал новый вопрос.

– Комиссия не является противовесом Минздраву. Наша цель – координировать деятельность всех федеральных агентств, участие которых необходимо в этом деле. Сюда входят и сельское хозяйство, и МЧС, и многие другие ве-

домства, от слаженной работы которых зависит, возникнет в стране эпидемия или нет.

Ольга уточнила:

– Речь идет в первую очередь о «курином гриппе»?

– Безусловно, борьба с «птичьим гриппом» – одна из основных задач комиссии. Но сразу хочу предостеречь: не стоит излишне драматизировать ситуацию. Все, от кого это зависит, делают все возможное, чтобы предотвратить распространение опасной болезни. И не только у нас в стране. Эта проблема давно уже переросла в международную, и в том числе в связи с этим назрела необходимость в появлении комиссии. Мы сейчас плодотворно сотрудничаем с подобными зарубежными организациями, крупными фармацевтическими корпорациями, научно-исследовательскими центрами. И результаты уже есть...

Программа шла на редкость гладко. Режиссер практически не вмешивался в процесс – Ольга Томизина была на высоте, да и разговор, что было вполне предсказуемо, плавно перешел в волнуящее всех русло. Журналисты, как сговорившись, спрашивали о «курином гриппе», было даже несколько удачных телефонных звонков от телезрителей. Самое время было применять заранее оговоренную заготовку.

– ...Скажите, можно ли заразиться, употребляя в пищу куриное мясо? И как этого избежать? – задал вопрос, волновавший многих людей, один из корреспондентов.

Эпидемиолог с удовольствием разъяснил ситуацию:

– Пока случаи заражения человека – единичны. Вирус гриппа сохраняет свою видоспецифичность – поражает только пернатых. Но, даже если произойдет самое неприятное, произойдет мутация и он станет опасен для людей, нет оснований для паники. Возбудитель неустойчив во внешней среде, поэтому заразиться можно при контакте с кровью больных животных. Чтобы этого избежать, достаточно подвергать птицу тщательной термической обработке. Хорошо проваренное или тушеное мясо абсолютно не опасно. А вот жарить или запекать его не рекомендуется – в толще куска могут оставаться участки с сырой кровью.

– Простите, Вадим Антонович, – получив сигнал от режиссера, вмешалась телеведущая. – Вы можете подтвердить свои слова личным примером? Мы заказали для этого случая курятину, проваренную самым тщательным образом...

– Вы хотите, чтобы я ее съел на глазах у зрителей? – деланно удивился Хлябцев, помощники которого и привезли сюда демонстрационное блюдо. – С удовольствием.

– Курицу в студию! – звонко приказала Томизина под оживленные аплодисменты зрителей и гостей передачи.

Словно в ресторане, Хлябцев разложил на коленях салфетку, откусил от румяного окорочка кусок и с улыбкой проглотил его. Зрители в студии снова захлопали, на этот раз еще активнее и одобрительнее. Режиссер довольно потирал руки – все шло как по маслу. Оставался еще небольшой

трюк.

Один из гостей студии взял микрофон.

– Вадим Антонович, перед началом передачи мы все видели рекламный ролик, в котором рассказывалось об удивительных свойствах нового препарата, вакцины от этого «птичьего гриппа». Вы сами стали бы ее применять?

Хлябцев промокнул губы носовым платком:

– Я знаком с этим препаратом и считаю его эффективным. Более того, комиссия рекомендовала его для вакцинации людей, входящих в группы риска, – работников птицеводства, мясокомбинатов, ветеринарных врачей и так далее. Необходимые контракты уже подписаны.

Режиссер расплылся в улыбке. Основные задачи выполнены, можно тихонько подводить итоги и заканчивать передачу. Но микрофон в студии неожиданно переключился в руки другого корреспондента.

– Скажите, Вадим Антонович, это правда, что фармацевтический холдинг, вакцину которого вы сейчас расписывали перед нами, подарил вам автомобиль «Хаммер» стоимостью более сотни тысяч долларов?

В студии повисла пауза. Ассистент вопросительно посмотрел на режиссера:

– Давать рекламу?

– Ни в коем случае!! – заорал тот. – Снимайте! Все в эфир! Это же настоящая бомба! И мы тут ни при чем, что самое главное.

Ольга Томизина, как и подобает профессионалу, сориентировалась быстро. Видя, что передачу прерывать не собираются, и слыша в скрытом наушнике вопли «главного», она ловко подтолкнула Хлябцева к ответному шагу:

– Вадим Антонович, как вы прокомментируете это заявление?

Улыбка мгновенно слетела с лица эпидемиолога. С трясущимися от возмущения рыхлыми щеками он заявил:

– Это все гнусная ложь, распускаемая врагами России! Ни к какой фармацевтической корпорации я отношения не имею, а тем более, никогда не получал взятки! Я честно выполняю свой долг перед народом, и мне нечего скрывать!

– Тогда откуда же у вас такая дорогая иномарка? – раздался тот же голос.

Хлябцев злобно уставился в ту сторону, где сидел назойливый журналист, и решил, что лучшей защитой в такой ситуации будет не продолжать полемику, а обидеться и игнорировать каверзные вопросы. Что он с успехом и предпринял:

– Вы знаете, на Западе считается самым большим оскорблением – поинтересоваться у коллеги размером его заработной платы. У нас же считается хорошим тоном оскорбить честного человека, который своим трудом чего-то в жизни достиг. Вот что я вам скажу, молодой человек. Я не буду отвечать на ваши вопросы, считая их неприличными и порочащими мою честь и достоинство. Для того чтобы считать мои деньги, да и ваши тоже, есть специальные органы. Они

пусть и разбираются.

– Вы не уходите от ответа! – не унимался правдоискатель.

Эпидемиолог выжидающе посмотрел на ведущую, всем своим видом показывая полное пренебрежение к звучащим в зале выкрикам. Та, в свою очередь, напряженно улыбалась в камеру, моля режиссера намекнуть о том, в каком ключе ей продолжать вести передачу. Ведь о скандале договоренностей не было, и начини она сейчас наседать на важного чиновника, завтра он может сделать так, что ей некуда будет ходить на работу. А с другой стороны, коллеги могут обвинить ее в бесхребетности и отсутствии журналистской хватки, и тот же директор программы отправит ее подальше, обвинив в том, что она не вывела на чистую воду негодяя. Проще говоря, Ольге жизненно необходимо было знать, входит ли этот новоявленный замминистра в группу тех, о ком можно говорить только хорошее, или нет. Но режиссер сам, видимо, был не в курсе, и Томизиной пришлось выкручиваться по ситуации. На ее счастье, большое табло, отсчитывающее время эфира, показало желанную надпись: «До конца эфира тридцать секунд!» А в этом случае можно было сказать только одно:

– Спасибо вам, Вадим Антонович, что согласились прийти к нам в студию и подробно ответили на все интересующие нас вопросы. К сожалению, эфирное время нашей передачи ограничено, еще раз благодарю всех присутствующих, до свидания. С вами была Ольга Томизина.

– Вот теперь давай рекламу! – махнул рукой режиссер, скалясь в странной усмешке.

Солнце клонилось к горизонту. От потрескивающих в костре дров исходил ароматный дымок. Павлов и Ерково, вдоволь набродившись по лесным закоулкам, решили заночевать на берегу озера и как раз закончили обустроить лагерь. Модная палатка, которую целый день таскал на горбу Сергей, оказалась очень удобной в применении: потребовалось не больше минуты, чтобы из свертка она превратилась в просторный домик. Но самое главное ее достоинство заключалось в том, что она совершенно не промокала и имела возможность для установки внутреннего подбоя на случай применения при низкой температуре. Вот только рассчитана она была на стандартных людей, и Полундре в ней было тесновато. А для Ерково в самый раз. Зная об этом заранее, Павлов прихватил с собой спальник. Теперь он сидел на нем, с интересом наблюдая за действиями своего друга.

Тот откопал небольшую ямку, налил туда воды и принялся разминать в ней комья глины, словно заправский гончар.

– Ты никак горшок лепить собрался, да? – Сергей склонил голову набок.

– Вот хороший ты парень, но – темнота! Ты бы еще про стопки вспомнил! Ну, погоди. Доделаю – увидишь!

– Тебе помочь?

Александр отрицательно замотал головой:

– Сиди и учись. Я покажу тебе, как готовят утку настоящие охотники. К тому же ты мой гость, поэтому отдыхай.

С этими словами хозяин вынул руки из густой жижи, очистил их от красноватой глины, достал из-за голенища охотничий нож. Затем вытряхнул из мешка двух подстреленных уток и принялся свежевать добычу. С ловкостью заправского мясника он по очереди вспорол им брюхо и одним движением вывернул оттуда все внутренности, бросив их своей собаке. Цезаря не пришлось долго уговаривать – придерживая кровавые шмотки лапами, пес стал рвать их клыками и с аппетитом уминать.

– Теперь сделаем так, – комментировал свои действия охотник. – Берем глину и обмазываем обе тушки... вот так... со всех сторон, чтобы ни одного перышка наружу не торчало.

Дело спорилось быстро, и через пару минут оба комка глины с птицами внутри уже покоились в самом центре костра, присыпанные горячими углями.

– Теперь главное – не жечь сильно огонь. Только чтобы жар поддерживать.

– А есть их как?

– Разбиваешь глину, она отходит вместе с перьями. Остается голенькая жареная утятина. Пальчики оближешь! – Еркков мечтательно закатил глаза.

– А ждать долго? – Сергей основательно проголодался за день охоты.

– Часок примерно. Что? Долго? Так у нас ведь сухой паек

имеется! – Бывший моряк извлек из подсумка завернутые в фольгу продукты и бутылку водки. – Наливай!

Бутерброды испарились в момент. Павлов смущенно повертел в руках полупустую бутылку и заметил:

– А бутылка-то одна всего...

– Да... Эк мы лопухнулись! – согласился Ерков. – Ночевать-то не думали поначалу...

Сергей встрепенулся:

– А здесь же поселок недалеко! Я сбегаяю!

Александр с сомнением глянул на часы:

– Отсюда до магазина – километра три с гаком. До закрытия – меньше получаса. Успеешь?

– А то! – ответил Полундра, скидывая с себя патронташ. – И не такие маршброски случались. Мадагаскар помнишь? Здесь просто рай по сравнению с ним. Я мигом. Полчаса туда, столько же обратно. Как раз к утке вернусь.

Легким бегом Сергей стал быстро удаляться от стоянки. Бежалось легко и свободно, Павлов с наслаждением втягивал душистый боровой воздух ноздрями, чувствуя, как тот разливается по телу, прибавляя жизненных сил. Вроде бы и бежал, а вместо усталости – прилив энергии. И это на пустой желудок! Чудеса. Перепрыгнув через поваленное сухое бревно, Сергей вымахнул на проселочную дорогу. Две протоптанные колеи да травка посередине. Ее Павлов и выбрал для дальнейшего движения. По сторонам света сориентировался, выбрал направление и вперед, прямо к искомому ме-

сту. Сзади послышался звук мотора.

– Тут еще и машины ездят! – пробормотал себе под нос Сергей, сбегая на обочину, чтобы пропустить невесть откуда взявшийся автомобиль. Урча и переваливаясь на ухабах, с ним поравнялся потрепанный «УАЗ-456» с выцветшей надписью «Сельхозавиация» вдоль борта. Притормозил.

– Садись, охотничек!

Полундра изумленно вытаращил глаза: за рулем сидела сногсшибательная девица в летной кожаной куртке и насмешливо смотрела в его сторону. От неожиданности он не сразу нашелся с ответом. Девушка мелодично рассмеялась:

– Не бойся, я не маньяк! Если спешишь в поселок, нам по пути.

Сергей усмехнулся и взялся за дверную ручку:

– А если маньяк – это я? Сами не боитесь?

Девушка усмехнулась, дождалась, пока Павлов плюхнется на переднее сиденье, и рванула машину вперед.

– Я хоть и девушка хрупкая, но постоять за себя умею, – ответила она, поджав полные губы. – Водка закончилась?

Павлов удивленно покосился на нее.

– С чего вы так решили?

Девушка поморщилась:

– Давай на «ты», хорошо? А то я чувствую себя старухой!

К тому же у нас в авиации «выкать» не принято.

– Ладно, – пожал плечами Сергей. – С чего ты так решила?

– А куда еще, на ночь глядя, может мужик спешить, оста-

вив друзей у костра?

– К любимой женщине, например.

Девушка посмотрела на него с нескрываемым интересом:

– Да-а? А что, здесь у тебя уже есть такая?

– Теперь, возможно, есть. – Павлов скосил глаза на внушительный бюст неожиданной попутчицы, обтянутый белой футболкой и нескромно подпрыгивающий на каждой кочке. Девушка перехватила его взгляд и улыбнулась. Чтобы скрыть свое смущение, Павлов принялся оглядывать салон. – А вы... ты всегда так беспечно незнакомых мужчин на дороге подбираешь?

– Не всех, – строго заметила та и странно посмотрела на боевого пловца своими лазурными глазами. – Только тех, кто особенно понравился. А то, что мы незнакомы, легко исправить. Светлана Найко, летчик второго класса.

Ее взгляд произвел на Сергея эффект разорвавшейся гранаты – что-то внутри зажглось, огонек побежал по венам. Если бы не железная привычка сохранять размеренное дыхание в любой ситуации, оно точно сбилось бы.

– Сергей Павлов, – представился он, любуясь выбившимся из прически локоном насыщенного медного цвета. – ...Э... охотник я.

– Охотник? Ну, ладно. Пусть будет так.

Девушка замолчала, о чем-то задумавшись. Паузу надо было как-то разрушить, и Полундра решил поинтересоваться, тем более что это его действительно занимало:

– Такая красивая девушка – летчик? Это не шутка?

– А по-твоему, все летчики – уроды?

– Я не это имел в виду, – запротестовал моряк. – Ты вполне бы моделью стать могла... или на телевидении...

– А! Так это был комплимент, как я сразу не догадалась!

Сергей покраснел. По крайней мере, ему так показалось.

– Ну да... А это не ты, случайно, над озером летала?

Синие глаза кольнули его электрическим разрядом.

– Я.

Сергей обрадовался найденной теме для разговора:

– А что распыляла?

Снова синие молнии глаз, только уже ледяные:

– С чего ты взял? Я аэрофотосъемку провожу, археологи заказали. Это безвреднее, чем поля опрыскивать, да и интереснее.

Сергей почувствовал, что девушке неприятен этот разговор, и не стал спорить, хотя своим глазам он доверял вполне, а утром они явно различили след, оставляемый «кукурузником». Замолчал, глядя, как девушка управляется с непослушным рулем.

– Что-то не так? – Светлана сбавила ход.

– Руки у тебя красивые, – признался Павлов. – Тонкие, изящные, словно из мрамора. Насмотреться не могу. Наверное, нежные очень.

– А ты попробуй, – предложила она, протягивая ладонь и продолжая крутить баранку одной левой.

Полундра оторопел, но взял ее пальцы своей грубой пятерней. Они были сухими и горячими, а в его ручище и во все казались игрушечными.

– Мне надо переключить скорость, – сообщила девушка через несколько секунд, и Сергей поспешно выпустил ее руку. – Поедем через лес, так короче.

«Уазик», круто вильнув, выбрался из накатанной колеи на едва видимую стежку, которая и вовсе перестала быть видимой через сотню метров. Проехав еще немного, Светлана остановилась. Двигатель смолк. Сергей тупо уставился на смыкавшиеся перед капотом ветви деревьев.

– Мы что, заблудились? – обернулся он к девушке.

– Ага, – хрипло согласилась она, вонзив в него призывно мерцающий взгляд. Едва слышно щелкнула заковка, и по плечам рассыпались тяжелые локоны. Светлана чуть подалась вперед и прикрыла веки, часто и взволнованно дыша.

Изумление Павлова сменилось неистовым желанием обладать этой женщиной, такой дерзкой и нежной одновременно. Уже не владея собой, он сгреб ее в объятия и впился в горячие сладкие губы. Время завертелось цветным хороводом.

Внезапно Сергей поймал себя на мысли, что он что-то забыл. С трудом заставив себя прервать головокружительный поцелуй, он пьяными от страсти глазами уставился на бешено быющую жилку на ее виске.

– Меня... ждет товарищ... – выдавил он. – Если я не вернусь, я его подведу...

Девушка прижалась к его широкой груди и принялась щекотать губами шею.

– Сережа, – прошептала она. – Разве он не может подождать? Ты же за водкой шел? Я дам тебе из своих запасов, не переживай. А товарищу своему позвони, у него же есть телефон?

Полундра с сожалением высвободил руку из-под девичьей футболки и набрал нужный номер, молясь, чтобы оба аппарата находились в зоне действия сотовой сети. Звонок, другой. Наконец наступило соединение – слабое, прерывающееся, но такое нужное.

– Саня! – проревел в трубку Павлов. – Дегустируй первого селезня без меня, слышишь? Я задержусь!

В трубке раздался ехидный смешок:

– Ага! Я видел, с кем ты уехал! Хорошо, если к утру вернешься!

– Никаких обид?

– Никаких!

Телефон вывалился на пол, жалобно пискнул и умолк. Шорох торопливо снимаемой одежды, слова и вздохи неупад, натужный скрип жестких сидений под разгоряченными телами потонули в кронах вековых деревьев, скрывших от посторонних глаз и ушей нежданных любовников...

8

Рональд Вайл пересек кабинет по диагонали, скидывая на ходу пиджак, и устало опустился в кресло. Денек выдался на редкость жарким и в смысле температуры воздуха, и в плане работы. Ни секунды не удавалось побыть одному и поразмышлять над сложившейся ситуацией. Ослабив галстук, он прикрыл веки и откинулся на подголовник.

Когда Вайл для спасения российского филиала корпорации решил руководить им сам и уволил предыдущего управляющего, он даже не подозревал, насколько ему придется погрязнуть в рутине. Каждая мелочь казалась настолько запущенной, настолько неграмотно организованной, что Рональд не переставал удивляться, как фирме до сих пор удавалось держаться на плаву. Вызвав своих экспертов для тотальной проверки, он с «шашкой наголо» прошелся по головному офису, увольняя направо и налево за малейшие просчеты и отклонения от западного стиля ведения дел. И лишь к концу второй недели американец начал постепенно приходить к мысли, что он пытается влезть в чужой монастырь со своими правилами.

Разумеется, «монастырь» был его собственный, по крайней мере, контрольный пакет акций хранился в его сейфе. Но для успеха бизнеса учитывать менталитет страны было крайне необходимо. Осознав это, американец призадумался

и слегка поумерил пыл, с которым поначалу проводил «чистку». Оставил работать даже прежнюю секретаршу – испуганную даму бальзаковского возраста с блеклым макияжем, но потрясающей памятью. Именно она сейчас настойчиво пыталась связаться с ним по громкой связи из приемной.

– Господин Вайл, на первой линии господин Сканков. – Ее английский, хоть и не был безупречным, босса отчего-то не раздражал. Напротив, с ней он старался общаться исключительно на языке туманного Альбиона. – Мне соединить его с вами?

Рональд нехотя выпрямился, тряхнул седой головой и придавил кнопку селектора:

– Да, конечно, соедините. Для остальных меня нет.

Через пару секунд он услышал знакомый голос человека, от успешной работы которого зависела судьба филиала:

– Мистер Вайл? Это я.

– Слушаю, – сухо ответил американец.

– Работа движется в соответствии с планом, я держу все под контролем.

Рональд поморщился:

– Ближе к делу. Вы говорите по спутниковому каналу – оставьте ваши конспиративные штучки.

– Да, конечно. Примерно одна треть уже обработана.

– Говорите, распылили над третью водоема? Так?

– Да. Через неделю все будет сделано. Археологи уже приступили к подводным работам.

Сухие губы босса дернулись в кривой усмешке:

– Это меня меньше всего волнует. На какой срок рассчитана их экспедиция?

– «Открытый лист» у них до конца июля, но Академия наук легко продлит его еще на пару месяцев, если хоть что-то обнаружится.

– А нам это нужно? – Рональд нахмурился.

– На самом деле, они не продержатся там и месяца. Всем ясно, что в озере ничего нет. Это просто очередная красивая легенда про клад, которую я отыскал очень кстати. Как только расшифруют аэрофотоснимки и убедятся в этом сами, поиск закончится.

Вайл еще сильнее сдвинул мохнатые брови:

– Даже месяца слишком много. Кто-нибудь из них обязательно попробует местной дичи и подохнет. А они люди не глупые, могут сопоставить некоторые факты и догадаться. Так что придумай, как безболезненно выдворить их с озера, как только они перестанут быть нужными.

В трубке послышался бодрый голос Сканкова:

– Я, кажется, знаю, как это сделать лучше всего. На подготовку времени как раз хватит.

– О'кей. Держи меня в курсе.

– Мистер Вайл... – Менеджер по аналитике замялся. – Возникнут непредвиденные расходы, за которые я не смогу отчитаться...

– Не разочаровывайте меня, господин Сканков. Для ме-

ня важен результат, а каким способом вы его достигнете и сколько потратите – не имеет абсолютно никакого значения. Вам ясно?

– Конечно, мистер Вайл. До свидания.

Аппарат мягко щелкнул, разъединяя абонентов. Рональд посидел неподвижно еще пару секунд, прикидывая что-то в уме, а потом нажал кнопку вызова:

– Принесите мне последнюю корреспонденцию и кофе...

Скат самой большой палатки, отведенной под полевую лабораторию, продолжался в широкий навес, в прохладной тени которого важно восседал начальник поискового отряда Рубашников. На раскладном столике перед ним мерцал экраном ноутбук, подрагивал от слабого ветерка ворох фотографий и бумаги. Курчавый парень в гидрокостюме и хрупкая блондинка увлеченно переговаривались между собой, разглядывая через плечо профессора изображения на мониторе. Делали они это шепотом, чтобы никоим образом не помешать работе своего наставника, а по совместительству – начальника университетского поискового отряда. Профессор был полностью погружен в работу: появились первые результаты.

– Вот! Вот они! Смотрите! – Рубашников торопливо выхватил одну из кипы фотографий и приложил ее сбоку к картинке на мониторе. – Вот это – увеличенное фото с воздуха. Видите эти более светлые участки? Контур, конечно, размыт, но вполне определяем. Так... по карте выходит, это... гм... здесь. Да, точно.

Студены за спиной заворуженно притихли и сгрудились потеснее. Даже представитель меценатствующей фирмы, сидевший до этого рядом со скучающим видом, придвинул стульчик и стал слушать пояснения ученого.

– ...А сейчас я выведу сюда картинку с лодочного радара, – продолжал Рубашников. – Так... это в числах, не показательно... а это – графика. Вуаля!.. При внимательном рассмотрении на этом же участке эхолот вырисовывает нам вот эту цепочку возвышений, видите?

– Очень похоже на затопленный обоз! – не выдержала студентка.

Профессор снисходительно рассмеялся:

– Если смотреть подольше, то можно и очертания телег в этих пятнышках разглядеть! Все зависит от фантазии и мотивации. Но вы абсолютно правы – многие признаки указывают на то, что эти неровности дна имеют искусственное происхождение. А вот что они на самом деле собой представляют, нам и предстоит узнать!

Сканков с сомнением покачал головой:

– Что-то больно далеко от берега. Если допустить, что это повозки с награбленным добром, то как они их почти на середину озера дотащили?

Рубашников живо обернулся к нему, глаза горели азартным блеском предвкушения научной дискуссии.

– Разве вы не знакомы с нашей опорной версией? Я вкратце напомню. После малоярославецкого сражения Наполеону пришлось отступать на уже разоренную им ранее старую Смоленскую дорогу. Но о капитуляции он в то время даже и не думал. Из достоверных исторических источников нам известно, что в Смоленске он собирался лишь перезимовать

и накопить силы, чтобы на следующий год продолжить войну. Многие историки на этом основании сделали выводы, что бросать награбленное в тех местах, где мы сейчас находимся, наполеоновским солдатам было рано. Дескать, только после вяземского и последующих сражений, когда над французами нависла реальная угроза полного окружения и разгрома, они стали избавляться от сковывающих передвижение тяжелых обозов.

– По-моему, все очень логично, – кивнул менеджер. – Жадность наживы может пересилить только стремление выжить, да и то не всегда. Особенно если речь идет о «желтом дьяволе».

– Не у всех такая страсть к деньгам, – фыркнула студентка.

– Милая девушка, – назидательно сказал Сканков. – Вам приходилось хоть раз держать в руках золотой слиток? Уверю вас, ощущения возникают очень противоречивые. А если этого металла целый воз? Вы представляете, какие это суммы? При нынешней цене на драгоценные металлы кубик со стороной в десять сантиметров и чистотой две девятки потянет почти на четыреста тысяч американских долларов! Вам это о чем-нибудь говорит?

Девушка неуверенно пожала плечами.

– Хорошо, переведу в доступные величины, – усмехнулся менеджер. – По самым грубым прикидкам, это десяток очень приличных автомобилей или двадцать-тридцать квартир, допустим, в Калуге. Представили? За желтый кусок ме-

талла, умещающийся на ладони. Легко ли вам было бы его выбросить?

– Именно из таких соображений исходят те, кто высмеивал нашу затею с поиском в здешних местах! – вставил профессор, изрядно соскучившийся по дебатам. – То, что замерзшие и измотанные французы усеяли путь своего бегства бесчисленными мелкими кладами, сомнению не подлежит. И на них продолжают наткаться в Смоленщине и Беларуси. Но крупных находок до сих пор не было! Где, к примеру, крест с колокольни Ивана Великого? Где трофеи Московского Кремля и Оружейной палаты?

– И где же?

– Бонапарт собирался вернуться весной тринадцатого года, так? Так вот, читая письма его генералов, я сделал один маленький, но очень важный вывод: Наполеон сознательно спрятал часть награбленных драгоценностей в самом начале своего движения на зимние квартиры, то есть приблизительно в этих местах. Зачем он это сделал?

– Вот именно, – искренне удивился Сканков. – Вы же сами говорили, что он еще не собирался сдаваться.

– Все верно, уважаемый Марк Владленович! Этот великий полководец был человеком дальновидным и хорошо знал свою армию. Забери они все с собой – у многих солдат и офицеров, хорошо нажившихся на мародерстве, возникло бы вполне объяснимое желание сопровождать свой скарб домой, в Европу. Разбегающаяся по норам с добычей в зубах

армия великому диктатору была не нужна. С другой стороны, надежно укрытые в глубине вражеской территории богатства послужили бы хорошим стимулом для весенней кампании. Дойдя до них, можно было спокойно двинуться на плодородный юг, а не пытаться еще раз захватывать Москву, которую за зиму бы основательно укрепили. Исходя из примерно таких соображений, по приказу главнокомандующего французы организовали тайное захоронение значительной части ценностей в одном из озер. Подробности утомлять вас не стану. Скажу только одно: сопоставив скудные свидетельства современников, я пришел к заключению, что для этой цели ими было выбрано именно Кощеево озеро!

Студенты смотрели на своего преподавателя с нескрываемым восхищением. Сканков невозмутимо продолжал слушать.

– А в свете этого скажите, был ли резон топить золото у берега, где его легко могли обнаружить русские крестьяне или охотники? Нет, разумеется. Чтобы золото долежало в целости и сохранности до самой весны, его постарались хорошенько припрятать.

– Но я ведь спрашивал, как они это сделали, а не почему, – уточнил менеджер.

– Если учесть, что это была организованная акция, а не спонтанное избавление от излишков, то возможностей масса. Думаю, что для этого построили что-то вроде пирса из плотов, по которым подгоняли груженные телеги и сваливали

их в воду. А могли топить в проруби – был конец октября, и стоячая вода вполне могла покрыться льдом достаточной толщины.

– А почему именно Кошеево? – не унимался московский гость. – Мало в округе других озер?

– А вы результаты анализов видели? – вступилась за своего кумира девушка. – Еще десять лет назад содержание золота и серебра здесь было выше, чем в других местах, а вчерашние пробы показали еще большие концентрации!

Рубашников согласно кивнул:

– Все верно, Машенька. Геологи отрицают существование месторождений этих металлов в данном районе. А это еще один плюсики в пользу нашей теории.

– Все, сдаюсь, убедили, – развел руками Сканков, улыбаясь студентке. – Осталось только найти. Я по возможности вроде бы все сделал для этого.

Со стороны жилых палаток послышался шум и звон посуды. Все оглянулись туда.

– Машка! Где сало? Куда ты его дела? – кто-то настойчиво рылся в припасах, опрокидывая котелки и громко матерясь при этом. Блондинка ахнула и звонко закричала в ту сторону:

– Роговец! Ты опять в кухню залез? А ну, убирайся оттуда, паразит, без ужина оставлю!

– Спокуха, Машка! Все будет тип-топ! – Из-под брезентового полога выбрался взлохмаченный парень почти двухмет-

рового роста. В одной руке он тащил спиннинг, а в другой – криво отхваченный кусок шпика. Распахнутая клетчатая рубаша развевалась на ветру, открывая постороннему взгляду прилично развитый торс и намечающееся брюшко. Прозрачно-голубые глаза отливали нетрезвым блеском.

– Ты кого ловить собрался, Игорь? – окликнул его Рубашников, строго зашевелив усами.

– А кто попадетса, того и поймаю, Вениамин Михалыч! – ничуть не смущаясь, отозвался тот. – Надоело уже тушенкой закусывать!

Зажав удочку под мышкой, студент насадил похищенное из продовольственных запасов сало и поплевал на него со словами: «На удачу!» Маша и кучерявый аквалангист прислули со смеху, а Сканков с издевкой поинтересовался:

– Это ж какая рыба на такую наживку клюнет?

Роговец ощерился во все тридцать два зуба:

– Это вы сейчас надо мной прикалываетесь! А за ужином еще спасибо будете говорить и добавки требовать! Мы с Машкой такой банкет сегодня устроим, языки проглотите. Правда, Маш? Пойдем со мной, морально меня поддержишь!

– Еще чего! – Девушка презрительно скривила губки. – Сам топай на свою рыбалку!

Детина довольно ухмыльнулся, утер рукавом рубашки свой крупный розовый нос и захлопал бесцветными ресницами:

– Вениамин Михалыч, вы слышали? Машка мне разреши-

ла идти. Пожелайте мне успехов!

– Иди уже, горе луковое! – махнул рукой профессор, провозжая глазами увальня со спиннингом, бредущего вдоль берега. – Хороший парень, только дисциплины маловато.

– И наглости много, – вставила Маша. – Достал уже своими выкрутасами.

– Нормальный раздолбай. – Парень в гидрокостюме добродушно вступился за Игоря. – Без него скучно было бы. Кстати, Вениамин Михайлович, разрешите к этому месту нырнуть? На разведку, а?

Рубашников чуть призадумался и отрицательно покачал головой:

– Поступим так. К погружениям в указанном квадрате приступим с утра. А сегодня ты, Юра, возьми ребят, и приготовьте к этому все необходимое. Чтобы завтра ни на секунду не отвлекаться. К тому же, ты уже сегодня под водой был? Был. А отдыхать сколько положено? Правильно! Давай без геройства. Мне безопасность важнее всего. Я же за вас всех головой отвечаю.

Бутылка в кармане камуфлированных брюк побулькивала в такт широкому шагу. Под ногами шуршала трава. Пощарапанные носы ботинок намокли и потемнели. Прогоняя рассветный сон, Сергей провел ладонью по лицу и вновь почувствовал тонкий запах духов, впитавшихся в кожу руки. Мысли потекли сами собой, блуждая по событиям прошлой ночи. Пусть она была бессонной, Павлов о том не жалел ни капли. Сил было – хоть отбавляй, несмотря на то, что по телу молочным туманом растекалась нега, как после хорошей физической нагрузки.

За следующим пригорком должна показаться палатка. Сергей решил подобраться к ней незаметно, чтобы проверить, насколько мирная жизнь «на гражданке» расслабила его боевого товарища. Мальчишество, конечно. Полундра поймал себя на мысли, что ему просто неловко показываться Еркову на глаза. Хоть тот и сказал, что не обижается за «дезертирство», совесть подло скреблась где-то на задворках души.

Бесшумно высунувшись из-за листвы, Сергей присмотрелся к стоянке. Тишь да мертвое спокойствие наполняли лагерь. Что-то не стыковалось, что-то было не так, выбивалось за рамки обычного. «Что за черт? Саня что, все еще дрыхнет? А Цезарь?» Спаниеля тоже не было видно. Ветерок

поднес к ноздрям гарь потухшего костра. Именно потухшего самостоятельно, а не погашенного заботливой рукой охотника. Это было странно. Павлов перестал прятаться, выбрался из своего укрытия и отправился к палатке.

– Ерш, подъем! – скомандовал он, оглядывая облюбованное ими вчера место. Никто не отозвался. «Ушел, что ли, куда? Обиделся?» На подстилке валялись остатки вчерашнего ужина: распотрошенный остов недоеденной утки, куски черного хлеба, луковица.

– Даже убрать за собой не потрудился, – проворчал Павлов, подходя ближе. – Цезарь, Цезарь! Ко мне!

Пегая шкурка спаниеля виднелась из-за кучи принесенных дров. Шагнув в сторону, Сергей увидел распластанное на траве тело собаки и понял, что она мертва. Можно было не проверять – опыт боевого пловца подвести не мог.

– Да что за хрень?! – Полундра подобрался, как перед броском. Внутренний «колокольчик опасности» разом обострил все чувства, автоматически переключив его организм на боевой режим функционирования. Он еще не успел сообразить, что произошло, а его тело уже было готово к борьбе за жизнь. Сергей прислушался к своему чутью, не раз выручавшему его в смертельных схватках: непосредственной угрозы как будто не было. Это точно не засада, вокруг нет ни души, кроме того, кто мог находиться в палатке.

Неуловимым движением Павлов расстегнул ножны. Теперь достаточно было доли секунды, чтобы острый клинок

покинул их и нашел свою цель, приведя ее в полную негодность. Такой опыт, к сожалению, имелся. С каменным спокойствием боевой пловец двинулся вперед.

До полуоткрытого полога оставалось не более двух метров, когда оттуда послышался слабый стон. По голосу определив, что это Ерков, Сергей уже безо всякой предосторожности подскочил к палатке:

– Саня, ты здесь?

– С... С-серега? – Ерков лежал на полу, раскинув руки. Мутный, воспаленный взгляд с трудом нашел вернувшегося Полундру. – Как-то мне хреново...

– Да уж заметно, – тихо сказал Сергей, осматривая друга. Часто и глубоко вздымавшаяся грудная клетка очень ему не понравилась. Хоть он был далек от медицины, но знал, что на таком «форсированном» дыхании люди обычно протягивают недолго. – Что случилось-то?

Александр попытался сесть. Павлов ухватил его руку и потянул на себя, помогая подняться. Ладонь охотника пылала жаром.

– П-просквозило... меня... наверное, – сипло пробормотал Ерков, пошатываясь, словно пьяный.

– Просквозило? Тебя? Боевого пловца? – Сергею в это верилось с большущим трудом. – Э, брат! Давай-ка мы тебя в больничку доставим. Есть здесь поблизости?

Его друг и в самом деле выглядел очень неважно. «Скорую»! Павлов хлопнул себя по карману – кроме бесполезной

бутылки водки, там ничего не было. Телефон так и остался где-то в машине Светланы.

– Саня, где твой мобильник?

Охотник неопределенно махнул рукой:

– Тут... где-то...

На поиски ушло полминуты. Моряк вытряхнул на брезент содержимое обоих рюкзаков и разгреб все руками. Потом похлопал товарища по карманам надетой на того куртки. Нашел. Набрав номер, он приложил трубку к уху, мысленно торопя бездушный аппарат: «Давай же! Давай!» Соединилось.

– Человеку плохо, – прокричал Павлов, стараясь перекрыть трескотню помех. – Температура высокая!

– Адрес диктуйте. – Низкий женский голос на другом конце едва различался. Павлов озадаченно оглянулся. «Адрес?» Телефонная трубка в руке дважды пискнула и затихла. Сергей с досадой поглядел на погасший экран, вздохнул и сунул ее в карман. Теперь мобильник с таким же успехом можно было выкинуть – в аккумуляторе совершенно не осталось энергии.

– Вот что, Саня! – сказал он, поднимая потяжелевшего товарища на ноги. – Придется пешком до больницы идти. Свой телефон я потерял, а у твоего батарейки сдохли.

Внезапно Ерков оттолкнул его руку.

– Ты что, как бабу, меня тащить собрался? – заплетающимся языком возмутился он. – Я сам дойду... Ты лучше... ружья собери.

Сергей оглянулся. Охотник был прав – бросать оружие нельзя. С опаской отпустив одежду Александра, он отступил на шаг и торопливо подобрал обе двустволки. Вернуться не успел: ноги Еркова подкосились, и он плашмя грохнулся на-земь, здорово приложившись головой о бревно.

– Сам, сам! – принялся корить его Павлов, сгребая в охапку. – Голову вон разбил, чудило! Дай посмотрю.

Рана на лбу была небольшая, но кровоточила так, что в несколько секунд залила все лицо. Приложив к ней какую-то тряпицу, Полундра кое-как закрепил ее и взвалил обмякшее тело к себе на плечи.

– Ничего, друг, терпи! Я тебя вынесу!

Уже во второй раз он начинал этот маршрут, и снова ему нужно было как можно быстрее добраться от лагеря до поселка. Только вот в этот раз идти пришлось не налегке, а с ношей, которая весила не меньше центнера, и, как назло, не встретив ни одной попутки!

Сотня метров. Еще сотня. Солнце выкатилось из-за деревьев, проселочная дорога сразу стала пыльной. На зубах закрипел песок...

«Где же этот чертов поселок?» Пот застилал глаза Сергею, сердце бешено стучало в виски, но о том, чтобы сбавить шаг, не могло быть и речи.

Ерков что-то прохрипел на ухо.

– Что? – не разобрал Павлов.

– Стой... укачало меня...

Сергей привалился к дереву, дожидаясь, пока у охотника не прекратятся рвотные спазмы.

– Полегче стало? – озабоченно поинтересовался он, поправляя повязку, из-под которой продолжалось кровотечение. Вместо ответа Еркков выдавил из себя стон. Надо было спешить.

Впереди показались огороды. За ними маячили крайние дома. Внезапно Александр совершенно обмяк, руки перестали цепляться за одежду Полундры и повисли безвольными плетьюми.

– Саня, держись! – прорычал тот и взвалил тело товарища на плечо. Где-то залаяла собака. Через полсотни шагов он был уже на улице поселка.

Испуганно шарахнулась в сторону старушка в белом платочке, увидев громадного, перепачканного грязью и кровью человека с перекошенным от ярости лицом и безжизненным телом на плече.

– Больница где? – Было не до церемоний: Александр стал как-то странно хрипеть.

– Туда, туда! – замахала руками бабулька. – С той стороны ворота!

Пошатываясь из стороны в сторону, Павлов ринулся в указанном направлении.

– Держись, браток! – уговаривал он то ли Еркова, то ли самого себя. – Сейчас уже дойдем! Все будет хорошо...

Но все хорошо не стало. Охотник неестественно икнул и

затих. Волосы зашевелились на затылке Сергея. Упав коленями в придорожную пыль, он бережно свалил Еркова на землю и припал ухом к груди. Но услышать что-то, кроме ударов собственного сердца, не смог. Тогда он обхватил голову друга руками, приподнял, надеясь, что тот подаст признаки жизни.

– Саня!

Неподвижные широкие зрачки смотрели мимо ошеломленного Полундры. Ему приходилось видеть смерть вблизи, случалось терять боевых товарищей на руках, но это было в бою! Там был враг, который был виновен в их гибели! И его можно было догнать, растерзать, уничтожить! А здесь что? Просто умер человек, и все? Как же так?!

Кто-то тронул Сергея за плечо.

– Поднимай, понесем его!

Павлов поднял невидящие глаза на подбежавшего прохожего, вскочил. Отчаянно сопя, они вдвоем втащили тело в приемное отделение. В душе еще теплилась надежда: врачи что-нибудь сделают, помогут!

Появился взъерошенный доктор. Заглянул под веки, рванул куртку на груди Александра, приложил к ней фонендоскоп. Крикнул кому-то:

– «Амбушку» давай и адреналин!

Примчалась медсестра, бледная, испуганная. Врач запрокинул охотнику голову, приложил к его лицу маску, всучил сестре в руки мешок – качать воздух, а сам принялся

за непрямой массаж, всей своей массой налегая на грудину. Жалобно хрустнуло сломанное ребро.

Сергей отрешенно наблюдал за этой неравной борьбой, видел, как доктор всаживает в грудь его друга длинную иглу, снова наваливается на нее обеими руками, ритмично сдавливая остановившееся сердце, что-то кричит сестричке...

Сколько прошло времени, Сергей не считал. Может, полчаса, может, больше. Медики остановились. Взмокший молодой человек в белом халате надавил на глазное яблоко и сокрушенно покачал головой – зрачок деформировался под пальцами. Все кончено.

Развернувшись, Павлов на негнущихся ногах вышел на крыльцо. Сел, обхватил голову руками. На душе было мутно.

– Курить будешь? – Док присел рядом и достал пачку сигарет. – Не хочешь – как хочешь... Кто его так?

Сергей пожал плечами. Он понятия не имел, как все это произошло.

– В милицию придется сообщать... Труп – криминальный... – Врач затынулся, прищулив один глаз. – Положено так...

– Угу.

– Знаешь его?

Сергей безучастно поглядел на медика:

– Друг это мой. Ерков Александр Сергеевич.

Тот оживился:

– Точно! А я думаю, где я его видел! А давно все случилось?

Павлов снова пожал плечами:

– Не засекал...

Доктор щелчком отправил недокуренную сигарету в урну и поднялся на ноги.

– Ну, ладно... пойду.

Полундра остался сидеть на месте, отрешенно разглядывая болтающуюся на столбике ворот цветастую афишку, в которой какой-то грамотей сообщал о прибытии в поселок цирка с «клоунами, жонглерами, пони, ослами, нильским аллигатором и другими экзотическими животными».

Частный московский клуб, на территории которого находилась сауна, охранялся почище иного государственного секретного объекта. Миновать службу безопасности было невозможно, всюду незримо пребывали ее сотрудники. А так называемые VIP-зоны были вовсе недоступны простым смертным. Хозяева очень дорожили репутацией самого «молчаливого» заведения: кто и с кем здесь бывал – оставалось тайной за семью печатями. Гости это ценили и платили соответственно.

С деньгами расставались они и за роскошь, которая присутствовала везде. Полукругом стоявшие сафьяновые диваны и резной стол черного дерева, уставленный всевозможными яствами, трудно было назвать подходящей мебелью для сауны, но такова была задумка стилиста, оформлявшего это «чудо дизайнерской мысли». На противоположной стене размещался громадный телеэкран, встроенный в гигантских размеров панно с лепниной ручной работы. Чуть поодаль начинался бассейн, в котором можно было без особых трудностей проводить чемпионаты по плаванию. Для любителей экстрима был сооружен трамплин, а для охочих понежиться в теплой водичке имелась пара джакузи выдающихся параметров. Входы в паровые помещения ограничивались автоматическими створками, что избавляло отдыхающих от

утомительного «общения» с дверными ручками. С подачи одного из завсегдаев был сооружен даже фонтан с питьевой минеральной водой.

Двое мужчин, обмотанных в простыни из индийского хлопка, полусидели за столом в окружении четырех девиц модельного вида. Дамам простыней не полагалось, потому они сверкали своими обнаженными прелестями, звонко хихикали и, не теряя времени, сметали угощение со стола, запивая дорогими винами.

Вайлу, привыкшему к цивилизованному бизнесу, было несколько непривычно обсуждать дела в таких условиях. Но он обладал потрясающей пластичностью и, если того требовали обстоятельства, вел себя так, как будто всю жизнь занимался исключительно подобными вещами. Отдавая дань традиции, он вместе с приглашенным для важного разговора чиновником попотел в тесном помещении, которое эти безумцы-русские нагрели почти до двухсот градусов по Фаренгейту. Затем было непродолжительное купание в прохладном бассейне, понравившееся гораздо больше предыдущей процедуры. И, наконец, – застолье. Наконец – потому что именно здесь полагалось обговаривать важные вещи, поедая деликатесы и накачиваясь алкоголем. А Вайл пришел сюда именно для дела. Все остальное он считал глупым, но необходимым в этой стране антуражем переговоров. Как ему объяснили доверенные люди, так было легче добиться положительных результатов в общении с русскими.

Гость чувствовал себя гораздо комфортнее. Видимо, ему нравились подобные мероприятия. А особенный интерес он проявлял к особям противоположного пола. Маленькие заплывшие жирком глазки пожирали девиц с вожделием пятнадцатилетнего подростка, а короткопалая пятерня безостановочно щипала и тискала красоток. Рональд не без удовлетворения отметил, что с наймом «девочек по вызову» он не ошибся.

– Мы форсируем выпуск вакцины, – начал он, внимательно наблюдая за развратными шалостями Хлябцева. – Первую партию можем доставить хоть сегодня.

Эпидемиолог вздрогнул и отдернул руки от пышногрудой нимфы, скрестив их на груди.

– Я не собираюсь говорить об этом при посторонних! – насупился он. Рональда очень удивила подобная резкая перемена в поведении гостя. Тот явно нервничал, чего-то опасался.

– Расслабьтесь, Вадим, они – мебель, – Вайл добродушно усмехнулся и жестом приказал женщинам отправляться в бассейн. – Все идет по плану. Скоро вы будете богатым человеком, спасителем отечества!

Хлябцев задергался еще больше, тревожно провожая глазами голых девиц, которые покидали стол с явным неудовольствием. Лишь когда те с шумом попрыгали в воду и принялись наигранно резвиться и плескаться, он немного успокоился. Но ненадолго. Следующий вопрос американца заста-

вил его вздрогнуть и окончательно протрезветь.

– Сколько жертв, по вашему мнению, потребуется, чтобы ни у кого не осталось сомнений в необходимости тотальной вакцинации? – запихивая в рот виноградину, поинтересовался Вайл. – Несколько десятков человек будет достаточно, чтобы вам удалось пропихнуть этот контракт с нашей фирмой?

Эпидемиолог нервно сглотнул слюну:

– Несколько десятков – это далеко не эпидемический порог...

Рональд удивленно поднял бровь:

– Хотите тысячи? Это вполне возможно.

– Не хочу, – поспешно отозвался толстяк, поправляя свои и без того прилизанные волосы. – На волне всеобщей паники перед болезнью можно будет обойтись и сотней. Нужно только вовремя подключить телевидение, газеты...

– Об этом не думайте. Журналисты с диким восторгом будут трубить об эпидемии. Это же сенсация. А если не будут – подогреем кого нужно.

Удовольствие от сауны Хлябцев перестал получать с началом этой беседы. Это отлично читалось на его лице. Расслабленно-похотливое выражение все отчетливее сменялось настороженно-озлобленным.

– Если вдруг всплывет, что вирус искусственно создан и распространен умышленно... Вы представляете, что тогда будет?

– Друг мой. Кто не рискует, тот не пьет шампанского. Так, кажется, принято говорить у вас? Я не меньше вашего заинтересован в конфиденциальности, а потому с моей стороны утечки не будет. Главное, чтобы вы не прокололись.

Эпидемиолог криво усмехнулся:

– Я же не дурак! Главное, чтобы... э-э... жертвы возникли одновременно в разных регионах. Потому что иначе это будут спорадические вспышки... Да, и еще. Это должно произойти быстро, чтобы не было времени на всякие тендеры.

Американец извлек откуда-то ксерокопию карты и протянул ее Хлябцеву.

– Что это?

– Схема миграции диких уток, возвращающихся с зимовья из Китая и Ближнего Востока. Флажком отмечено особо интересующее нас озеро. Это вроде перевалочного пункта для птиц. Там они набираются сил, отъедаются и мелкими стаями следуют к своим летним гнездовьям. Сейчас они уже там, местность практически безлюдная. Через две недели они двинутся в направлениях, указанных стрелками, и разнесут заразу почти по всей европейской части страны.

– Две недели?

– Именно. И тогда доказать, что вирус пришел не из Китая или Турции, будет совершенно невозможно.

– Согласен. – Хлябцев утер свой картошкообразный нос салфеткой. – Придумано хитро!

Вайл проигнорировал сомнительный комплимент и про-

хладно поглядел на собеседника:

– Как только будет подписан контракт на закупку вакцины, на ваши счета будет перечислена основная сумма.

– Так накануне же подписали? Мы закупаем у вас партию для вакцинации групп риска...

– Не надо так шутить, – ледяным тоном отозвался американец. – Вы прекрасно знаете, что речь идет не об этой мелочи, за которую, кстати, мы с вами уже расплатились. Нас интересует крупный государственный заказ.

– Да... конечно... – неуверенно согласился эпидемиолог. Глазки его беспокойно забегали, выдавая сильное волнение. – Я прекрасно понял, что вы имели в виду. Но... с сегодняшнего дня у меня другие условия.

Наглость, с которой этот толстяк себя вел, раздражала, но Вайл держал себя в руках.

– Мы ведь обо всем договорились. Вы получили задаток. И теперь решили изменить договор?

– Я слишком рискую! Вы видели передачу по местному телевидению? Репортеры уже разнюхали о наших связях!

– Не надо так нервничать. – Голос американца отдавал металлом. Такие фокусы ему не раз приходилось видеть за свою долгую карьеру. – Хотите большего? Просто назовите мне сумму. Если она реальна...

– Я хочу войти в долю! – выпалил Хлябцев, нервно комкая салфетку пальцами-сосисками.

– Вы хотите стать акционером корпорации? – не понял

Вайл. Жадность этого обрызгшего мужчины, по его мнению, была безграничной. Впрочем, он не раз сталкивался с подобными людьми. Более того, если бы их не было – способных ради денег наплевать на свой долг и совесть, – вести дела было бы втрое сложнее.

Как-то один из его университетских приятелей полусху-тя рассказал ему о своих мечтах – обнаружить в человеческих хромосомах гены, отвечающие за любовь и верность. Пока что похвастаться успехами он не мог. Зато Вайл с возрастом приобрел безошибочное чутье на тех, в ком сидел «ген предательства». Таких Рональд научился вычислять и использовать, что немало способствовало его росту в бизнесе. С Хлябцевым он тоже не ошибся – такая червоточинка в нем была. Но, похоже, этот пресловутый, придуманный Рональдом «ген» у эпидемиолога стал чересчур агрессивным и подавил собой все остальные. Толстяк даже не представлял себе, чего требовал. Отдать ему часть акций корпорации означало поделиться своими прибылями, влиянием на компанию. Это было решительно невозможно. Вайл устало вздохнул:

– Тогда мы найдем другого чиновника.

– Я думаю, Федеральной службе безопасности будет крайне интересно узнать о ваших планах, – замирая от собственной смелости, заявил Хлябцев. Его грузное тело стала бить мелкая нервная дрожь, когда он увидел на лице американца грустную улыбку, не предвещающую ничего хорошего.

– Знаете, Вадим, если собрать всех, кто за мою долгую жизнь хотел меня поиметь, они вряд ли поместятся в этот бассейн, даже если сложить штабелем. Больше всего я ценю свое спокойствие, а потому всегда страхуюсь.

Хлябцев затравленно огляделся.

– Нет-нет, не переживайте. Сейчас вам ничего не угрожает, даю слово. Здесь нет никаких микрофонов и камер. Они были там, где вы вымогали с меня взятку за выгодную сделку. «Хаммер» в обмен на контракт.

– Блеф! – бросил побледневший эпидемиолог.

Словно не слыша его реплики, Рональд продолжал:

– Хочу похвалиться – запись получилась отменная. Вашу колоритную личность опознать сможет даже ребенок, всего раз с вами столкнувшийся. А уж если провести соответствующие экспертизы...

– Если я стану сотрудничать с ФСБ, они меня не тронут. Для них вы – куда интереснее. – Голос толстяка осип от недостатка слюны, которая внезапно высохла. Схватив бутылку, он опрокинул ее содержимое в стакан, несколько раз брякнув стеклом по стеклу от волнения, и залпом выпил.

– Вы всерьез хотите начать войну? – Вайл с интересом поглядел на гостя. Жажда денег совершенно лишила того чувства осторожности.

– Я вынужден защищаться! – прошипел Хлябцев. – Это вы не соглашаетесь на мои условия!

– То же самое могу сказать и я... – Вайл не успел догово-

ритель: зазвонил его телефон. – Простите, важный звонок.

Приложив трубку к уху, чтобы лишняя информация не долетала до посторонних, американец услышал срывающийся голос Сканкова:

– ...у нас неприятности. Случилось непредвиденное. Все может раскрыться!

На лице Рональда не дрогнул ни один мускул.

– Не жалеё денег, – коротко произнес он и выключил мобильник.

Дюралевый катер покачивался примерно в двух кабельтовых от берега. Роговец, облаченный в гидрокостюм, загорал на корме. Сейчас он выполнял роль страхующего, а потому при первой необходимости должен был погрузиться под воду, чтобы помочь Юрке, который уже минут пятнадцать как нырнул. Это обстоятельство не позволяло ему раздеться и задремать на солнышке, которое пекло невероятно. Вздыхая и сетуя на горькую судьбинушку, он расстегнул шейный клапан и максимально обнажил волосатую грудь, ловя каждое движение ветерка.

Обеспечивающий чувствовал себя немного комфортнее. Парень хоть и сидел скрючившись на баке, держа в руках сигнальный конец и каждые полминуты его дергая, но он скинул с плеч неопреновую куртку, оставив болтаться ее на поясе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.